

ПРИМЕЧАНИЯ

Ирина Петрова

1. Поэма “Лейтенант Шмидт” написана Б. Пастернаком в 1925 году на основании документальных свидетельств и исторических работ. Впервые публиковалась отдельными главами в журнале “Новый мир” за 1926 и 1927 годы. Печатается по Собранию сочинений в пяти томах, М.: ХЛ, 1989; Т.1.
2. Забастовка рабочих порта началась 12 ноября, до этого уже бастовали строительные рабочие и приказчики торговых предприятий (Г.И.Ванеев. “Севастополь. Страницы истории”. Симферополь: “Таврия”, 1983).
3. М.Сургучев “Корабли возвращаются в строй”. Симферополь: “Крым”, 1969.
4. Ирина Петрова (Богданова).
Две семьи, два дома на Корабельной стороне.
<http://ii.petrova.narod.ru/rasskaz/dom.html>

«ОБРЫВИСТЫЙ ГОРОД В ШПАЛЕРАХ МАСЛИН»

Ирина Ильинична Петрова — кандидат технических наук, автор многих научных трудов по проблемам новых материалов для электронной техники. В последнее время занимается вопросами отражения Крымской тематики в российской словесности. Автор-составитель книг «По Крыму - Пушкину вослед» (1996), «Вся просвещенная Россия сто лет жила под каплей звон Бахчисарайского фонтана» (2000), «Крымская война сквозь призму поэзии» (2001), «Мне только память о тебе - наследство» (2001), а также очерков и рассказов. Автор ряда публикации в газетах «Миниатюра» и «Слава Севастополя». Автор книги о многочисленных горных путешествиях «Петровские тропы» (2002).

Родилась в Севастополе, проживает в Санкт-Петербурге.

Санкт-Петербург
2002

Ирина Петрова.

«Обрывистый город в шпалерах маслин» - СПб., 2002. - 12 с.

Этюд-размышление о Севастополе 1905 года по строкам поэмы Б.Пастернака «Лейтенант Шмидт» и семейным воспоминаниям уроженки Севастополя, более полувека живущей в Петербурге, кандидате технических наук И.И.Петровой (урожденной. Богдановой).

Издание осуществлено за счет средств автора.

Редактирование и компьютерная верстка —

Василий Петров.

Другие произведения И.И.Петровой размещены и постоянно обновляются по адресу:

<http://ii.petrova.narod.ru/>

Отзывы и предложения просьба направлять по адресам:

vnptr@mail.ru или ii.petrova@narod.ru

© Петрова И.И., 2002

Павловский мысок на городском катере⁴. Как-то возвращаемся домой, спускаемся к улице Ластовой, где проходит граница Аполлоновой балки. Тут папа и вспоминает, что, едва приехав в Севастополь и поселившись у Куприяновых летом 1905-го, он осенью стал свидетелем трагедии «Очакова»:

*Я бегал в Аполлонку смотреть; корабль горит,
матросы плывут, а на берегу солдаты их расстреливают,
штыками и прикладами спихивают в воду. Больше это
было у Приморского, но и сюда плыли, на Павловский, и здесь
тоже стояли солдаты... А я ведь один тут, почти ребенок
из тихой деревни... Никогда не забуду.*

После войны мы не говорили об этом, много других смертей видано было, но, я думаю, что он, мой честный труженик, отдавший всю жизнь родному заводу (умер у его проходной 30 декабря 1950) этой ночи не забыл. Может, поэтому так он был отзывчив к чужим страданиям, чем и заслужил человеческую любовь: в предновогоднюю ночь скорбная процессия к месту его упокоения растянулась по всей нынешней ул. Адмирала Октябрьского. И символично, что лег он в могилу своего тестя, моего деда Данилы Максимовича. Я каждый год прихожу туда...

Вот так в этой поэме всё сплелось для меня: поэзия и история, семейные предания и Город, которому трудно найти равного по количеству высоких подвигов, в нем совершенных, который за свою, в общем-то короткую жизнь (217 лет) столько раз возбуждал «радость жертвовать собою» во имя высоких идеалов и который мало кому уступит по своеобразию ландшафта и его красоте.

Зарядных ящиков разбег,
И — грохот, грохот до ломоты
Во весь Нахимовский проспект...

И любопытство, любопытство:
Трехверстный берег под тупой,
Пришедшей пить и или топиться,
Тридцатитысячной толпой.
Она прикрыла крыши барок
Кишащей кашей черепах,
И ковш Приморского бульвара,
И спуска каменный черпак...

К ночи мятежный крейсер будет уничтожен, а матросы, пытающиеся вплавь спастись с горящего страшным костром судна, расстреляны стоящими на берегу солдатами. И все это при многотысячном сборище добровольных свидетелей... Страшная страница в истории славного города, которую большой поэт не побоялся пропустить через свое открытое сердце и сказать о ней свое слово с верой и надеждой, что этот порыв «к свободе, к свету» (М.Горький), что эти жертвы не напрасны.

Щемящая картина этой ужасной ночи, когда факелом посреди рейда пылал мятежный корабль, когда смешались выстрелы и крики, вошла в мое раннее детство по рассказу отца. Он снимал тогда жилье у Куприяновых на Корабельной, на ул. Николаевской (ныне Н.Лунина) вблизи проходной завода. С обитателями этого дома у моей семьи сохранилась дружба на всю жизнь, мы посещали его два-три раза в год, переправляясь из центра города, где мы тогда жили, на

*С мыслью о родителях моих и с воспоминанием
о декабрьской (2001) Москве размышляю о
«Лейтенанте Шмидте» Бориса Пастернака.*

Удивителен «портрет» Севастополя, не говоря уж о живой, наполненной людьми и воздухом картине драматических событий осени 1905 года, созданный Борисом Леонидовичем Пастернаком (1890-1960) в поэме «Лейтенант Шмидт»¹. Вот первое утро, «встреча» с городом:

Над морем бурный рубчик
Рубиновой зари.
А утро так пустынно,
Что в тишине, граничащей
С утратой смысла, слышно
Как, что-то силясь вытащить,
Гремит багром пучина
И шарит солнце по дну,
И щупает багром.

Но вот в клоаке водной
Отыскан диск всевидящий.
А Севастополь спит еще,
И утро так пустынно,
Кругом такая тишь...

Много раз я, родившаяся и выросшая в Севастополе, читала эти строки, наизусть знаю и всё не перестаю удивляться: «Откуда такая нежность» (М.Цветаева), будто на спящего родного младенца глядит? Ведь Севастополь не был городом из биографии Бориса Пастернака. Но таково уж уникальное свойство его души, сразу заставляющее поверить всему, о чем он поведает нам.

Увы, эта тишь таила в себе бурю. В октябре 1905-го, после выхода царского манифеста «о свободах» сотни севастопольцев пошли к городской тюрьме, чтобы встретить политических заключенных. И были встречены залпами, и пролилась кровь, были вошедшие в историю похороны... Звездный час импульсивного морского офицера Петра Петровича Шмидта - его речь на кладбище, его клятва, наэлектризовавшая общество:

Октябрь. Кольцо забастовок.
О ветер! О ада исчадь!
И моря, и грузов, и кладь,
О буря брошюр и листовок!
О слякоть! О темень! О зовы
Сирен, и замки, и засовы
В начале шестого.
От тюрем — к брошюрам и бурям.
О ночи! О вольные речи!
И залпам навстречу — увечья
Отвесные свечи!
О кладбище в день погребенья!
И в лад лейтенантовой клятве
Заплаканных взглядов и платьев
Кивки и объятья.

А на дворе глубокая осень, с ее секущими дождями, норд-остом, холодами:

Три градуса выше нуля.
Продрогшая земля.
Промозглое облако во сто голов
Счет крупой подошвы стволов...

Потом бегом. Сквозь поросли укропа
Опрометью с оползнями в песок...
И вдруг, как вкопанные, стоп:
И вот он, вот он весь у ног,
Захлебывающийся Севастополь,
Весь вобранный, как воздух, грудью двух
Бездонных бухт,
И полукруг
Затопленного солнца за «Синопом»...

Настало утро рокового дня. Даже тут, зная о какой ужасной трагедии ему вскоре предстоит поведать, Поэт не может прогнать из сердца нежность к спящему городу:

В зимней призрачной красе
Дремлет рейд в рассветной мгле,
Сонно кутаясь в туман
Путаницей мачт
И купаясь, как в росе,
Оторопью рей
В серебре и перламутре
Полумертвых фонарей...

Он спит, притворно занедужась,
Могильным сном, вогнав почти
Трехверстную округу в ужас...

С утра на суше муравейник.
В тумане тащатся войска...
Колеса, кони, пулеметы,

Вот почему, вернувшись в родную Корабельную бухту после освобождения Крыма от немецких захватчиков, заводчане разыскали в немыслимых руинах искалеченный гудок и дали ему вторую жизнь. Севастополь с гудком, пусть в развалинах, уже не был мертвым. Это был голос веры и надежды³.

По этому гудку среди сотен прочих осенью 1905 года бегал на завод мой папа Илья Григорьевич Богданов, который был всего на год моложе Пастернака. Всего за три месяца до того приехал он, четырнадцатилетний мальчик, из Курской деревни, чтобы начать самостоятельную трудовую жизнь. Работал он тогда в сборочном цехе нагревальщиком заклепок (сварных конструкций еще не знали). Эта ноябрьская забастовка была его первой. Вряд ли он что-нибудь понимал в этой сумятице, но все бросили работать и ушли, ушел со всеми и он.

Возвратимся, однако, к поэме и событиям, стремительно там разворачивающимся. Приказ командующего флотом адмирала Чухнина разоружить флот, ответом которому - мятеж на крейсере «Очаков», пославшего к Шмидту своего гонца с просьбой возглавить восстание.

А жил Петр Петрович с сыном, учившемся в Константиновском реальном училище (ныне школа №3) в уютной квартирке на городском холме, на Соборной (Суворова) улице, вблизи Владимирского собора, усыпальнице героев-адмиралов, тихой, зеленой, застроенной небольшими домами с садиками и огородиками, самой интеллигентной, на которой располагались гимназии Севастополя и откуда был такой чудный вид на рейд. И вот они, «очаковец» и Шмидт, торопясь двинулись к внизу расположенной пристани, двинулись напрямки, по «размытым рытвинам садовых гряд»:

Больше ни у кого нет таких картин зимнего, отнюдь не курортного Севастополя (разве только несколько строк у Ахматовой в «У самого моря»).

В этой «агонии осени» начались волнения матросов, а с ними

...Антагонизм

Пехоты и морских дивизий

И агитаторша-девица

С жаргоном из аптек и больниц...

И новые жертвы, на сей раз матросов в морских казармах на Корабельной стороне, «толпою в волненьи глотающих клеуки / Немыслимых слов с окончаньем на изм». О, хорошо я помню многонациональную севастопольскую «общину» середины 30-х (за прошедшие со времени 1905 года годы она не принципиально изменилась). Южный, мягкий, «неправильный» выговор: «Пролетрьят, пролетарьят».

Власти силами пехоты пытаются навести порядок и «уж перекликались с платцем дивизии». А на дворе - ноябрь, и штормы свирепствуют в «кисее дождя», так что «Деревья всех рисунков / Сгибались в три дуги». И в этой обстановке — паника, бегство из города его жителей, потому что - стрельба и не ясно, что впереди. Вот несколько строк из картины этого дня:

Окрестности и крепость,

Затянутые репсом,

Терялись в ливне обложном,

Как под дорожным кожаном...

С утра тянулись семьями

Мецане по шоссе...

В повальном бегстве все.

У города со вторника²
Утроилось лицо:
Он стал гнездом затворников,
Вояк и беглецов.
Пред этим в понедельник,
В обеденный гудок —
Обезголосо элинг
И обезлюдил док.
Развертывались порознь,
Сошлись невпроворот
За слесарно-сборочным
У выходных ворот.

Казалось бы, мне-то, родившейся спустя двадцать семь лет спустя, что до них, до этих потерявших голову от непонимания происходящего жителей? Но нет, это мое, я с этим выросла. Семья моих бабушки и дедушки была как раз из мещан Корабельной стороны, описанные события происходили рядом, это вошло в семейную историю, которую моя мама, родившаяся в июне 1907-го восприняла с молоком матери в прямом смысле этого слова, ибо мне она передавала семейные предания тех дней так живо, будто сама их видела. Мой дедушка, Данила Максимович Коломенчук, ушел служить на флот в лаптях неграмотным крестьянином. Служба дала ему всё, позволила, выйдя в отставку, служить в Морском ведомстве заведующим складами, дослужиться до чина надворного советника, сохранив подлинное к себе уважение. Об этом одно из семейных преданий. Передаю от имени моей мамы, Антонины Даниловны Коломенчук-Богдановой как оно мне запомнилось:

В дни восстания 1905 года многие офицеры были убиты (ненависть к ним со стороны матросов, увы, была оправданной. Я сама, научившись читать, видела табличку у входа на Приморский: «С собаками и матросам вход воспрещен». Видела, как получали матросы кулаком в лицо, если честь офицеру не отдали). Как-то в те дни отец возвращался домой уже в темноте. Навстречу - несколько матросов. Один кинулся к нему, но другие остановили: «Не трогай, это хороший старик». В эти же дни папа должен был выдавать получку своим подчиненным. Принес деньги, разложил, начал выдавать, а тут стрельба. Он и говорит: «Рассовывайте по карманам и пошли ко мне домой». Когда пришли, сосчитали, недоставало одного полтинника, видимо, закатился. Так уважали, что не могли себе позволить с ним дурного. Когда в феврале 1917-го он умер, то гроб от самого дома на углу Черниговской и Ополченской (ныне Р.Люксембург и Рабочей) до городского кладбища в Карантине несли на руках, хотя было холодно.

Ну, а что это у Пастернака про «обеденный гудок», про «слесарно-сборочный»? Совсем уж не поэта дело в эти термины, казалось бы, вникать. А меня-то почему эти слова зацепили? Оказывается, это тоже «мое», да и не только мое. Начну с гудка. Он - красивый, бархатистый гудок Морского завода был неотъемлемой частью жизни города еще многие годы. С ним прошло моё детство. Это был будильник, это были часы. Он гудел по утрам: первый - за десять минут до начала смены, второй, отличаясь по длительности, - в минуту начала ее. Возвещал о начале и конце обеденного перерыва, о конце рабочего дня; по нему сверяли часы. Его ждали; без него город казался немым.